БАЙКАНБЕК САДЫКОВ

КЛЮЧИ ОТ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

МОСКВА 2021–2025

Байканбек Садыков

Ключи от чужой жизни

«Автор»
2026

Садыков Б.

Ключи от чужой жизни / Б. Садыков — «Автор», 2026

Москва, 2024 год. Пенсионерку Нину Белову находят убитой в запертой квартире. Под подозрением электрик Павел Ковалёв. Он задолжал ей деньги, а камера запечатлела у подъезда человека с его сумкой. Лица на записи не видно.Адвокат Илья Ветров проверяет алиби Павла и выясняет, что незадолго до смерти Белова сравнивала документы о продаже московских квартир. Двум женщинам обещали новое жильё и показывали одну и ту же фотографию окна.След ведёт к жалобе 2021 года, которую Ветров когда-то оставил без должной проверки. Чтобы защитить клиента, ему придётся вернуться к своему решению и выяснить, кто зарабатывал на чужих квартирах.

© Садыков Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дверь, которой нет 5
Чужой ключ 7
Квартира сорок семь 9
Человек в капюшоне 12
Исправление красным 14
Дочь архитектора 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Байканбек Садыков
Ключи от чужой жизни

Пролог. Дверь, которой нет

Москва. 17 ноября 2021 года

В плане квартиры не было окна.

Лидия Аркадьевна заметила это уже после того, как поставила подпись на последнем листе. На улице стемнело; в кухонном стекле отражалась лампа под зелёным абажуром и чужая рука, собиравшая документы. На плане вместо окна тянулась сплошная линия стены.

Сам договор продажи она подписала пять дней назад. Сегодня должны были окончательно закрепить условия её переезда — то, ради чего она и согласилась расстаться с квартирой.

— Здесь ошибка, — сказала она.

Молодой человек в светлом свитере оглянулся. Лидия не запомнила его отчества. Он приезжал вторично и всякий раз садился так, чтобы видеть входную дверь.

— В техническом приложении? Исправим. На условия это не влияет.

— Влияет на то, какой объект вы описываете.

Он улыбнулся терпеливо, словно она спросила, где включается чайник.

Лидия Аркадьевна тридцать восемь лет чертила дома. Она знала разницу между стеной и проёмом и не нуждалась в этой улыбке. В предлагаемом ей новом жилье было два окна: одно на кухне, другое в комнате. По крайней мере, так выглядела фотография, которую показывал Вадим. «Маленькая, зато первый этаж. Не придётся больше подниматься пешком, когда лифт сломается».

На нижнем краю снимка виднелась половина белого радиатора. За стеклом — кирпичная стена. Всё, что могло сказать что-нибудь о доме, обрезали.

Она протянула ладонь.

— Моё приложение оставьте мне.

— Вам выдадут полный комплект.

— Вот этот лист.

Человек в свитере помедлил, затем вытащил страницу из её папки. Теперь она различила на его большом пальце маленький круглый ожог.

— Держите. Только берегите. Без оригинала нам сложнее будет согласовать изменения.

Когда он ушёл, Лидия закрыла дверь на оба замка. Нижний заедал; приходилось сначала чуть приподнять ключ. Они с мужем собирались заменить его ещё девять лет назад. Потом муж умер, и замок остался. С ним она справлялась.

С прочим выходило хуже.

На столе лежало письмо дочери, распечатанное из электронной почты. «Мам, давай пока ничего не подписывать. Я приеду в субботу». Она прочитала эти две строки снова и почувствовала злость на себя: Ася думала, что у матери просто не хватает денег, и уже переводила часть своей зарплаты. А ей хотелось хоть раз позвонить дочери с хорошей новостью. Сказать, что всё устроено и помощь больше не нужна.

Лидия достала второй лист — тот, который успела снять на старом копировальном аппарате у соседки. Заголовки были одинаковыми. Абзац внизу отличался. В одном варианте обещанное жильё предстояло передать ей; в другом получение денег за проданную квартиру считалось полным исполнением обязательств.

Она долго сидела не двигаясь. Из комнаты донеслось тиканье мужниных часов. Днём она уже пыталась позвонить юристу, который бесплатно принимал по вторникам. Молодой голос ответил, что письменное обращение рассматривают и торопить не надо. Но почему тогда тот же человек в свитере знал о её обращении?

В половине девятого Лидия постучала к Нине Петровне.

— Можно у тебя оставить?

Нина работала корректором и распознавала беду по тому, как человек держал бумагу. Она освободила стол, на котором сушились чашки.

— Рассказывай.

— Пока нечего. Мне надо разобраться.

— Тогда чай.

Лидия отказалась. Ей нужно было вернуться, пока не перезвонили. В светло-жёлтый конверт она положила копии обоих вариантов приложения и сложенный вчетверо план. На конверте написала: «Асе. Если я не успею сама». Потом зачеркнула вторую фразу. Слишком театрально.

Нина не спросила, что именно соседка боится не успеть. Прочла листы, надела очки и обвела красным карандашом одну строку.

— Тут не опечатка, Лида.

— Я знаю.

На лестнице пахло жареным луком. Где-то наверху ребёнок учил на флейте три одинаковые ноты. Лидия поднималась медленно, держась за перила, и думала, что в субботу всё объяснит дочери, даже если та начнёт сердиться.

Перед её дверью стоял человек в светлом свитере.

— Хорошо, что застал, — сказал он. — Нам нужно забрать ошибочный лист.

Лидия не вынула ключ из кармана.

Чужой ключ

19 февраля 2024 года

Павел Ковалёв положил руки на стол ладонями вверх.

Илья Ветров видел этот жест у людей, которым казалось, что правду можно показать так же просто, как пустые карманы. На правой ладони Павла темнела полоска въевшейся медной пыли, на левой заживала глубокая царапина.

— Я у неё был, — сказал он. — Только раньше.

За стеклом двери прошёл конвойный. В комнате для встреч пахло хлоркой и мокрой шерстью. Илья подвинул блокнот, оставив между ними достаточно места: он не любил, когда человеку под стражей негде положить руки.

— Начнём с самого начала. Кто вызвал вас четырнадцатого числа?

— Нина Петровна. Белова. Сказала, опять выбивает автомат. Я ей ещё осенью розетку менял.

— Во сколько приехали?

— После восьми. Ушёл примерно в половине девятого.

— А на записи вы возвращаетесь в девять ноль девять.

— Это не я.

Илья достал распечатанный кадр. Мужчина в тёмной куртке входил в подъезд, опустив голову. Правая рука держала синюю инструментальную сумку с четырьмя жёлтыми полосками на боку. На лицо падала тень капюшона.

Павел смотрел на снимок долго.

— Сумка моя, — наконец сказал он. — Лента тоже. Я ручку обмотал и остаток сюда наклеил, чтобы на базе не путали.

— Как она оказалась у другого человека?

— Не знаю.

В восемь утра пятнадцатого февраля соседка нашла Нину Петровну мёртвой. Дверь была заперта. Соседка открыла её своим ключом, который Белова оставляла на случай болезни. Убитая лежала у книжного шкафа. Тяжёлый чугунный дверной упор, которым её ударили, обнаружили в той самой синей сумке за мусорными баками неподалёку от дома. На упоре были следы крови и пальцев Ковалёва.

За неделю до убийства Павел перевёл Нине Петровне десять тысяч рублей с сообщением «Остальное позже». В её телефоне сохранилось: «Вы мне всё вернёте. Иначе я обращусь куда следует».

Илья знал, как выглядит эта последовательность на бумаге. Работа в квартире. Долг. Ссора. Возвращение с инструментом. Удар. Брошенная сумка.

— Вы действительно ей задолжали?

Павел опустил ладони.

— Там не совсем долг.

— Здесь «не совсем» не годится.

— Я неправильно провод подключил в октябре. Ей холодильник сгорел. Сказал, оплачу, только не сразу. Она грозилась начальнику рассказать. А я на заказах, у меня и так…

Он осёкся.

— И так что?

— Был случай. У клиента часы пропали. Меня обвинили. Потом нашли у его сына, а в чате мастеров сообщение так и осталось. После такого каждый новый скандал — как будто всё сначала.

Про этот случай в материалах, которые Илья успел прочесть, уже имелась короткая справка. Про найденные часы в ней ничего не говорилось.

— Чугунный упор вы держали?

— В октябре. Ей дверь подпереть надо было, пока я холодильник вытаскивал.

— У вас был ключ от её квартиры?

Павел ответил слишком быстро:

— Нет.

Илья закрыл блокнот. Принести ему дело попросила бывшая жена Павла. Они развелись два года назад; между ними оставались дочь Даша, кредит за стиральную машину и привычка спорить даже о погоде. Ольга сказала по телефону: «Я не знаю, какой из него муж. Уже знаю, точнее. Но он никого не убивал». Денег на дорогую защиту у неё не было. Илья согласился на посильную оплату, не обещая результата.

Теперь перед ним сидел человек, который, возможно, уже лгал ему.

— Павел, я буду проверять версию обвинения. Это моя работа. Но вы должны понимать: я не могу узнать от вас половину фактов и придумать другую половину за вас.

Ковалёв кивнул. Краешком рукава стёр влажное пятно со стола.

— Где вы были в девять вечера?

— Шёл от Семёновской. Там у перекрёстка мужик с велосипеда упал. Или его задели, я не разобрал. Я помог ему подняться. Потом поехал домой.

— Мужчину знаете?

— Нет. У него колесо восьмёркой стало. Он всё извинялся почему-то.

— Кто-нибудь ещё был рядом?

— Люди были. Машина остановилась. Я номера не смотрел.

Это не было алиби, с которым можно сразу идти в суд. Люди, перекрёсток, чужой велосипед. Город, в котором ежеминутно тысячи незнакомых лиц оказываются рядом и расходятся.

В коридоре Илья включил телефон. Помощница прислала адрес ремонтной базы Павла и напоминание, что частные видеозаписи могут перезаписываться очень быстро. Вслед за сообщением пришёл звонок Марка Валерьевича Ратина.

— Ну как твой электрик?

— Слишком стройная версия. Буду смотреть.

— Самые стройные версии иногда правдивы, Илья. Не влюбляйся в дело.

Ратин говорил спокойно, с привычной паузой перед именем собеседника. Именно он когда-то научил Илью не путать сочувствие с доказательством.

— Завтра загляни, — добавил он. — Посмотрим вместе. Мне знаком этот район.

Квартира сорок семь

Тамара Дмитриевна не открывала, пока Илья не убрал удостоверение от глазка и не назвал фамилию ещё раз.

— Адвокат этого? — спросила она из-за двери.

— Павла Ковалёва.

— Я милиции всё сказала.

— Я понимаю. Беседовать со мной вы не обязаны.

За дверью помолчали. Потом звякнула цепочка.

В квартире Тамары Дмитриевны было жарко, и на батарее под окном сохли детские варежки. Правнука она забирала из сада три раза в неделю. Сегодня забирала дочь: после смерти Беловой старуха боялась оставаться в подъезде одна.

— Он ругался, — сказала она, не дожидаясь вопросов. — В тот вечер. Я мусор выносила, слышала. «Мне нечем платить». Так и сказал.

— А Нина Петровна?

— Что она? Ответила, что всех жалеть здоровья не хватит. У неё самой пенсия. Ремонтник не должен холодильники портить.

Илья записал слова, затем прочёл их вслух, чтобы собеседница могла поправить. Она поправила: не «жалеть», а «понимать». Он зачеркнул аккуратно, одной чертой.

— Потом вы снова кого-нибудь слышали?

— Лифт. Ключ в замке. Но я не смотрела.

— Во сколько?

— Не знаю. У меня сериал шёл. Там всё время то одни уходят, то другие приходят. Только я ведь не говорю, что видела его второй раз. В протоколе так и написано, надеюсь?

— Я проверю.

Она настороженно поглядела на него.

— Вы сейчас будете доказывать, что Нина сама виновата?

— Нет.

Ответ ей понравился. Она впервые села.

Нина Петровна жила одна, но редко бывала без дела. Корректировала сборник воспоминаний для бывшей коллеги, помогала соседям составлять обращения, раз в месяц ездила на другой конец Москвы к двоюродной сестре, почти потерявшей зрение. Книги брала в библиотеке, потому что дома на полках уже не оставалось места.

— Больше всего терпеть не могла, когда за человека решили, будто он уже ничего не соображает, — сказала Тамара Дмитриевна. — Бывало, продавщица начнёт с ней разговаривать как с ребёнком, Нина очки снимет — и продавщица уже всё понимает.

За окном прошёл трамвай, коротко лязгнув на повороте. Дом стоял в стороне от Преображенской площади, в старом квартале с глубокими дворами. Илья приехал сюда со стороны метро и сначала не нашёл проход: новая ограда перекрыла привычную для жильцов тропу.

— Семья у неё есть?

— Племянник в Твери. Он уже приезжал. Ключи следователю отдал. А вы зачем на номер смотрите?

Илья поднял голову. Над дверью Беловой, видимой через открытую прихожую, висела пластмассовая табличка: 47. Чуть левее на краске проступал след другой, более узкой.

— Давно меняли?

— Табличку? Года три назад. А вот у Лиды на пятом старая до самой продажи висела. Тоже сорок семь.

— Две квартиры с одним номером?

— Не две. Когда-то коммуналку наверху разделили, потом что-то пересчитали. В бумагах ей дали сорок девять, а табличку она не трогала. Говорила: я не письмо, меня по номеру не доставляют.

— Лида — это кто?

Тамара Дмитриевна отвернулась к батарее, сняла одну варежку и положила обратно.

— Лидия Аркадьевна Зорина. Умерла в двадцать первом. На лестнице упала. Нина после неё долго отойти не могла.

— Она тоже здесь жила одна?

— Ася у неё есть. Дочь. Только они тогда поссорились. Перед самым этим.

Уходя, Илья попросил связаться с Асей, если та не будет против разговора. Тамара Дмитриевна записала его номер на обороте рекламной листовки и не отпустила сразу.

— У Нины на запасном ключе синяя штучка была. Резиновая такая, разрезанная с одного боку. Я ей дарила, чтобы не путала с почтовым ящиком. Вы спросите, где ключ.

— Почему?

— Я своим открывала. А её собственного в дверях не было. Она обычно на ночь оставляла изнутри. Из полиции молодой сказал: «Может, забыла». Только она не забывала. Она, если молоко покупала, чек до вечера хранила — проверить, всё ли правильно посчитали.

На пятом этаже Илья задержался у двери квартиры 49. Старую табличку убрали, стену рядом недавно закрасили. Изнутри доносились голоса и стук детского мяча. Позвонив, он увидел мужчину с полотенцем на плече; за его спиной стояла сушилка с маленькими футболками.

— Зорину? Не знаю. Мы снимаем с прошлого лета.

— А собственник?

— Через агентство договор. Что-то случилось?

Илья оставил визитку и спустился. У окна между этажами в краске перил был глубокий скол. Его давно закрасили белым, но углубление всё ещё напоминало след удара.

Он не знал, с какого пролёта упала Зорина. Пытаться угадать по сколу означало бы уже придумывать историю.

На улице Илья позвонил Кире.

— Нужны сведения о смерти Лидии Аркадьевны Зориной в ноябре двадцать первого. Начни с открытых источников. И ещё: отправь на базу Ковалёва просьбу сохранить все записи четырнадцатого февраля. Не только тот час, который интересует следствие.

— С какого времени?

— С шести вечера до полуночи. Лучше пусть останется лишнее.

Разговор на лестничной площадке

Человек в капюшоне

Корсаков принял Илью между двумя допросами. Стол следователя стоял боком к окну; на подоконнике желтела полоска засохшей земли в цветочном горшке. Растение давно убрали, а горшок остался.

— Свидетельницу вы нашли, — сказал он. — Поздравляю. Сразу предупреждаю: смерть Зориной с нашим делом пока ничем не связана.

— Я пока и не утверждаю связь.

— Это хорошо. Потому что у нас есть конкретный убитый человек и конкретный подозреваемый. А не история дома.

Илья передал письменное ходатайство. Проверить сведения о дорожном происшествии у Семёновской. Сохранить и получить записи с ремонтной базы. Установить происхождение ключа, которым мог воспользоваться тот, кто вошёл после девяти. Проверить, содержала ли первая беседа с Тамарой Дмитриевной прямое указание на повторное появление Ковалёва.

Корсаков дочитал, не перебивая.

— Последнее справедливо, — сказал он. — Она слышала дверь, не видела входившего. Никто из этого опознание не делает.

— В постановлении о привлечении выражение «вернулся в квартиру» уже стоит без оговорки.

— По совокупности.

— Вот совокупность я и прошу проверить.

Следователь снял очки. На переносице остались красные вмятины.

— У вашего подзащитного кровь погибшей на обуви.

Илья почувствовал, как внутри всё сжалось, но не поторопился с ответом.

— Обувь изъяли когда?

— При задержании. Следовое количество. Экспертиза ещё работает.

— Где задержали?

— На базе. Шестнадцатого утром.

— Кто имел доступ к его шкафчику?

— Вы хотите сказать, ему подбросили и сумку, и упор, и кровь?

— Я хочу прочитать заключение, когда оно будет готово. Пока вы сказали про кровь, а происхождение следа нам обоим неизвестно.

Корсаков посмотрел на него уже внимательнее. Возможно, ждал привычного спора о том, хороший ли Ковалёв человек. Илья не собирался его вести.

На базу они с Кирой приехали порознь. Он — от следователя, она — после занятий на курсах повышения квалификации. Кира три года была его помощницей, писала ясно и не терпела телефонных разговоров, начинавшихся со слов «там всё просто».

Мастерская занимала часть старого хозяйственного корпуса недалеко от Электрозаводской. За оградой лежал серый снег; на воротах висела табличка с выцветшим расписанием. Бригадир Сергей открыл сам, держа в руке недоеденную грушу.

— Камеры? Сохраним. Уже ваше письмо видел. Только это к владельцу помещения, у нас доступа к архиву нет.

Он показал маленькую комнату с металлическими шкафчиками. Дверь в неё не запиралась. На крючках висели рабочие куртки, ниже стояли сумки. Любой подрядчик, приехавший за материалом, мог зайти и подождать здесь, пока бригадир оформлял выдачу.

— Павел вещи оставлял?

— Конечно. А как иначе? Электрик всё на себе через город таскать должен? В тот вечер пришёл, что-то сгрузил, ушёл. Мне его видели — да, потом сказали.

— Кто ещё был?

— Ребята. Точно по журналу надо смотреть. Рома Ефимов приезжал из соседней организации, замки брал. По восстановлению квартир они работают, после заливов, после пожаров.

Кира записала название организации. Бригадир дописал телефон владельца здания и вдруг спросил:

— Вы не с Ратиным вместе? Он у нас собственника консультирует. Может, ему удобнее выгрузку забрать, чем вам два раза ездить?

Илья привык, что имя Марка Валерьевича возникало в самых разных местах. Тот занимался гражданскими спорами, много работал с недвижимостью, помогал небольшим предприятиям. Москва сужалась до знакомых кабинетов, стоило провести в профессии пятнадцать лет.

— С владельцем согласуем, — сказал Илья. — Главное, ничего не стирайте.

У ворот Кира остановилась.

— Сумка стояла в общей комнате. Это мы теперь знаем. Но если он сам её забрал и вернулся?

— Тогда запись это покажет.

— Ты ему веришь?

По железнодорожному мосту прошёл состав. Они подождали, пока утихнет грохот.

— Вчера он соврал про ключ, — сказал Илья. — Я почти уверен. Ему кажется, что любой неудобный факт равен признанию в убийстве.

— А тебе кажется, что неудобные факты можно собрать так, чтобы он всё равно оказался невиновен?

— Мне кажется, что мы ещё слишком мало знаем.

В машине он открыл присланную Корсаковым фотографию обуви. На носке правого ботинка была крохотная буроватая точка. Слева тянулся светлый след строительной смеси.

Павел говорил, что в день убийства ходил в кроссовках: работал внутри, а ботинки оставил сушиться на базе после протечки. Это ещё предстояло проверить. Илья записал вопрос на отдельной странице, рядом с фамилией человека, приезжавшего за замками.

Вечером владелец базы подтвердил письменно: запись за четырнадцатое число сохранена. Часть камер работала без звука; одна не писала несколько дней. Он согласен предоставить имеющееся по согласованному запросу и отдельно передаст материалы следствию.

Илья переслал письмо Кире и впервые за два дня почувствовал, что у них появилось что-то надёжнее слов.

Исправление красным

Племянник Беловой приехал из Твери в пятницу. Он вошёл в контору с картонной коробкой и сразу предупредил, что до четырёх должен уйти: обратный поезд, дома больная мать.

— Андрей Валентинович сказал, могу вам показать то, что у меня, — произнёс он. — Только я не понимаю, какое отношение это имеет к мастеру.

— Возможно, никакого, — ответил Илья. — Вы разрешите снять копии нужных страниц? Оригиналы, если они важны для дела, лучше передать следователю установленным порядком.

Денис кивнул и снял крышку.

В коробке лежали тетради, старые письма, папка с надписью «Для сборника», перевязанная бечёвкой. Нина Петровна готовила воспоминания работников небольшой типографии. На полях чужих рассказов красным стояло: «Уточнить год», «У автора спросить, не менять», «Это не его слова».

Илья перелистал несколько страниц. Погибшая умела воздерживаться от чужих улучшений. Там, где фраза звучала неловко, но понятно, она её оставляла.

— Тётя считала, что хороший корректор после себя незаметен, — сказал Денис. — А плохой отовсюду торчит.

Между мемуарами обнаружилась синяя канцелярская папка. На первой странице — справка о нумерации квартир, выданная по обращению Беловой в сентябре 2022 года. Ниже она вклеила две фотографии двери на пятом этаже. На ранней висело «47», на поздней — «49».

— Зачем она это собирала?

— После смерти Лиды ходила, писала. Ей отвечали, что сделку проверяли. Она всё равно ходила. Потом вроде бросила.

В папке оказались несколько ответов на обращения и лист в клетку. «Одинаковое приложение у Г. С. О. Не забыть про окно». Последняя запись была датирована двенадцатым февраля 2024 года — за два дня до убийства.

На обороте Нина выписала три строки:

«114/21. Копию не отдавать без расписки».

«Кто сообщил В. Л. о жалобе?»

«Синий — вернуть П.»

Кира придвинулась ближе. Они переглянулись, но ничего не сказали.

— Знаете Галину Сергеевну? — спросил Илья.

— Орлову? Тётя к ней ездила. Они познакомились в очереди в поликлинике, ещё до всех этих историй. Она в Сокольниках живёт. Адрес где-то в телефонной книжке.

В книжке оказалось два номера Орловой. Один был перечёркнут; рядом Нина пометила: «Сменили. Не объяснили зачем».

Денис провёл ладонью по краю коробки.

— Я не понимаю, почему она мне не говорила. Мы созванивались каждое воскресенье.

— Может быть, не хотела тревожить.

— Все так говорят. А может, я слушал плохо. Я спрашивал: «Всё нормально?» Она: «Нормально». Ну и отлично. Мне же дальше бежать.

Илья не стал его утешать. Денис подписал согласие на копирование и перечень просмотренных бумаг, аккуратно убрал их обратно. Фотографии выбранных листов сразу отправили Корсакову с пояснением, у кого находятся оригиналы.

Когда племянник ушёл, Кира вывела на экран справку о нумерации.

— Всё-таки это просто старый номер. Право собственности от таблички не зависит.

— Да.

— Тогда зачем Нина за него зацепилась?

— Возможно, сравнивала документы, составленные в разное время. Одна и та же квартира могла выглядеть в них как две разные. Или наоборот.

— Изменение номера само по себе не объясняет подмену квартиры.

— Именно. Значит, нужен не номер, а тот лист, где его использовали.

Кира открыла найденное ею объявление о продаже. В архивной публикации начала 2022 года предлагалась «квартира с потенциалом перепланировки» в этом квартале. Фотографий было всего три. На одной — комната, на другой — кухня, на третьей — вид на кирпичную стену через единственное окно.

Полностью установить объект по объявлению не удавалось. Изображения могли использовать повторно, адрес в открытой версии был неточным, план отсутствовал. Илья записал это отдельно: «Совпадение — проверять, не выдавать за установленное».

Перед закрытием конторы позвонила Тамара Дмитриевна.

— Ася согласна. Только она работает, поздно может. И вы ей про мать осторожно.

— Я постараюсь.

— Осторожно — это не жалостливо. Она жалости не любит.

Уже надевая пальто, Илья заметил на последнем снимке тетрадной страницы совсем мелкую фразу. Нина втиснула её между строками, по-корректорски поставив знак вставки:

«Они знали раньше, чем я отправила».

Он увеличил фотографию. Бумага пошла крупными серыми клетками, красные буквы распались на пиксели. Дальше разобрать было нечего.

Снимок он сохранил в отдельную папку. Пока это была только чужая тревога, высказанная на бумаге. Но теперь у неё появились дата и адресат, которого следовало найти.

Дочь архитектора

Ася предложила встретиться у себя. Она снимала квартиру на востоке Москвы вместе с подругой, которая в тот вечер была на смене. В прихожей стояли две пары рабочих кроссовок, на холодильнике магнитом держался график дежурств. Ася работала рентгенолаборантом и говорила негромко, как человек, привыкший успокаивать тех, кто боится любого движения аппарата.

— Чай будете?

— Если вам удобно.

— Мне удобнее что-нибудь делать руками.

Она достала чашки. Илья положил диктофон на стол, объяснил, что запись нужна ему для точности и без её согласия он её не включит. Ася согласилась, но попросила не записывать первый вопрос.

— Вы думаете, маму убили?

— Я не знаю. Сейчас я защищаю человека, обвинённого в убийстве Нины Петровны. У неё оказались бумаги вашей матери. Хочу понять, что они значили.

— Значили, что маму обманули. Это я знаю с двадцать первого года. Только доказать не смогла.

Она поставила перед ним чашку и села, не притронувшись к своей.

У матери болели колени. Пятый этаж, старый лифт, который иногда не работал неделями. Ася уговаривала её переехать вместе, но Лидия Аркадьевна отказывалась жить «на половине чужого расписания». Потом в её жизни появился Вадим Ланской. Обещал найти небольшую квартиру на первом этаже, закрыть долги и оставить сумму на лечение.

— Он не был похож на мошенника, — сказала Ася. — Хотя я понимаю, все потом именно так говорят. Он не торопился, слушал её рассказы, однажды розы принёс на день рождения. Мама решила, что он уважает её профессию. Он с ней про планы разговаривал.

Илья показал фотографию листа с пометкой «про окно».

Ася отодвинула чашку.

— У неё были два варианта приложения. Она позвонила и сказала, что один заменили. Я велела ничего больше не подписывать и хотела приехать. А потом у меня смену перенесли. Я попросила подождать до выходных.

— Когда это было?

— Семнадцатого ноября. В среду. Помню, потому что мы поругались. Она сказала: «Я всё время жду, когда тебе удобно». А я сказала… Не надо, это вырезайте.

Илья выключил диктофон.

На улице проехала машина, и её свет скользнул по потолку. Ася следила за ним, пока он не погас.

— Двадцать второго мама погибла, — произнесла она наконец. — Сказали, упала на лестнице. Лифт опять не работал. Сумка с продуктами, неудобные ступеньки. Всё было правдоподобно. Особенно если не знать, чего она боялась.

— О страхе кому-нибудь говорили?

— Говорила. Меня спрашивали, угрожал ли кто-то прямо. Мама со мной не всегда была откровенна. Прямой угрозы я не слышала. На бумаге получилось: дочь не согласна с решением матери о продаже имущества. Очень удобно.

Официальный вывод о смерти Илья видел только в общих сведениях, которые передала Ася. Сами материалы ещё надо было получить законным путём. Он сказал ей об этом и попросил разрешения передать следователю информацию о звонке семнадцатого числа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.